

Будь таким, какой ты есть. Или же будь таким, каким ты кажешься.

Джелаладдин Руми

— Я тебя разлюбил, — сказал муж и посмотрел в сторону. — Ничего не поделаешь! Я же предупреждал тебя, что я человек сложный!..

— Когда предупреждал? — спросила Надежда.

В голове было пусто, на душе тоже пусто. Так пусто, что она цеплялась к словам, придумывала вопросы, чтобы не сидеть в пустоте.

— Еще давно! — энергично произнес муж и сморщился. Ему тягостна была сцена прощания, и хотелось, чтобы она поскорее закончилась. Желательно без потерь. — Помнишь, я говорил тебе, что со мной очень сложно, я быстро устаю от жизни с одним человеком, начинаю скучать... Помнишь?

Надежда пожала плечами. Возможно, он и говорил, но она ничего такого не помнила, конечно.

А может, и не слышала вовсе. Она была в него влюблена, а когда человек влюблен, его трудно напугать тем, что объект его вселенской, неземной, единственной в мире любви «быстро устает» или «начинает скучать»!..

Какая разница, начинает или нет! Уж со мной-то точно не заскучает! Ведь такой вселенской, неземной, единственной в мире любви не было ни у кого с момента сотворения мира!

Они помолчали, сидя по разные стороны дивана и глядя друг на друга.

Он же мой, думала Надежда. Он мой, вон и царапина на руке моя — он ободрался, когда на прошлой неделе я его попросила на участке у мамы наломать сирени. Он наломал, но поцарапался, и мы вместе заклеивали руку пластырем, чтобы было не так заметно. И кружка, из которой он пьет чай, тоже моя. Белая кружка с красным сердцем и надписью «Я люблю Калифорнию», которую я привезла из этой самой Калифорнии, он кружку обожает!.. И рубашка моя — я ее покупала к лету на распродаже и страшно гордилась собой, что удалось так ловко сэкономить, почти вдвое!.. И глаза, в которые я люблю смотреть, очень темные, черные почти, ни у кого на свете я больше не видела таких темных глаз, и длинные ресницы, и смешная ямочка на одной щеке — все мое!

Или... уже не мое?

— Ты... кого-нибудь встретил? — вдруг спросила Надежда.

Нельзя так спрашивать, она прекрасно это знает, и во всех книгах по психологии написано, что нельзя спрашивать мужчину о его личной жизни и нельзя задерживать его, когда он уходит. Нельзя, потому что можно утратить чувство собственного достоинства. Кажется, согласно этим книгам, можно спросить о его планах относительно раздела имущества. Можно, но невыносимо, потому что раздел имущества — это конец, точка, финишная ленточка, забежав за которую ничего не остается, только упасть замертво.

И еще гордость, да, да!.. У меня же есть гордость.

Но что с ней делать, когда он бросает меня и вот-вот бросит навсегда?!

— Да никого я не встретил! — сказал он с досадой. Видимо, не следует спрашивать мужчину о его личной жизни. Также нельзя препятствовать ему, когда

он вознамерился уйти, ибо все равно уйдет, но гордость может пострадать...

— А если не встретил, то почему ты уходишь?.. — произнесла Надежда страшным шепотом и прижала кулаки к сухим глазам. — Зачем?!

— Ну вот, — пробормотал муж. — Началось.

— Нет, нет, нет, — забормотала Надежда, отняла руки от глаз и поморгала, чтобы он видел, что она не плачет, и посмотрела умоляющим собачьим взглядом.

— Не бросай меня, а?.. Ну пожалуйста!.. Ну, разлюбил, так хоть пожалей меня, вот прямо сейчас возьми и пожалей, как жалел всегда, если я температурила или ушибала палец!.. Ты брал меня за руку, целовал в ладонь, шептал какие-то глупые слова, и становилось не больно и не страшно. А сейчас ты раздражаешься оттого, что мне больно из-за тебя, и тебе хочется на свободу, и совсем не хочется страдать, и уж тем более разделять мои страдания!..

Я же вижу. Я столько лет тебя знаю!..

— Мне скучно, — сказал он решительно. Он все время говорил решительно, наверное, потому, что долго готовился к разговору. — Тебя никогда нет дома, а я должен тебя ждать! Мне неинтересно с твоей тусовкой, а больше ты никуда не ходишь, потому что ты все время на своей гребаной работе!

— Давай ходить! — пылко и страстно крикнула Надежда. — Давай, я согласна!

— Поздно, — сказал муж. — Я тебя все-таки разлюбил, Надь. Ты понимаешь?

И тут она поняла.

Он никогда в жизни не называл ее Надей. Только Надюха или Надежда. Надя — персонаж из другой жизни, в которую они сейчас, должно быть, только вступали.

— Ты меня разлюбил... совсем? — жалобно спросила она. Слезы подступили к последнему рубежу обо-

роны, и никак нельзя было допустить, чтобы они прорвали плотину и затопили все вокруг. — Или еще все-таки не совсем?.. Если еще не совсем, давай... ну хоть до Нового года назначим срок, а? Ты... отдохнешь от меня, а там посмотрим...

— Да ничего мы не посмотрим, Надь! Все же и так ясно.

— Ясно, — повторила Надежда. — Ясно. И до Нового года ты не...

— Да зачем нам сроки?! Все рано ничего не изменится!

— Ты уверен?

Он перестал отводить глаза в сторону и кивнул.

— Ясно, — еще раз повторила Надежда. — Ну хорошо, что ты это сейчас сказал, а не когда я бы встретила тебя на улице с прекрасной и юной девушкой.

— Вот ты не веришь, а у меня на самом деле никого!..

— Я знаю, — сказала она. — Ты честный парень.

Наверное, нужно встать и уйти. Не собираясь, не рыдая, не спрашивая, куда пойдет он, где станет жить, и — самое главное! — с кем! Наверное, следует сохранять остатки гордости, хотя непонятно, кому они нужны: его нет, а остатки зачем?!.

Но она все-таки заплакала, и плакала недолго.

Когда она завтра вернется после работы домой, уже ничего не будет прежним.

Уже ничего и никогда не будет таким, как раньше, — простым, ясным, веселым и теплым. Даже если он одумается и вернется, она больше никогда не поверит ему до конца, и станет постоянно ждать подвоха, и высматривать в его темных глазах что-то такое, что уже когда-то было и из-за чего он так жестоко поступил с ней, а он будет думать, что, пока его не было, она жила с другим или сразу с несколькими дру-

гими, а в книгах по психологии пишут, что мужчинам особенно невыносима мысль «про других»!

Она сейчас уйдет, а завтра все изменится, окончательно и бесповоротно, как будто великан наступил на домик лилипута — в порошок не растер, но примял изрядно, и теперь все там, в домике, примятые, странные, не осознавшие своего нового положения.

И ничего нельзя поделать. Он даже ни о чем не спросил ее, когда принимал решение — за них обоих!

— Мне, наверное, лучше уехать, — сказала Надежда и сделала попытку встать с дивана, но так и не встала. — Я сейчас... сейчас...

— Ты только трагедий не устраивай, а? — попросил муж. — Мне ведь тоже тяжело.

— Тяжело, я знаю, — согласилась Надежда. — Как ты останешься один?.. Без меня?..

— Я переживу, — отрезал он. — Ничего со мной не будет.

— И ты даже не хочешь мне объяснить...

— Не хочу, Надь, — сказал он устало. — Все, что мог, я тебе уже объяснил, а дальше я сам ничего не знаю. Разлюбил я. А зачем жить вместе, если нет любви?

На этот вопрос Надежда ответа не знала. Ей казалось, что жить вместе все равно стоит, чтобы не пропасть поодиночке, чтоб было кому сказать: «Смотри, какой падает снег!», или что больше нет сил, или что очень хочется на море. Чтобы ночью было к кому прижаться, чтобы было кому показать ушибленный палец или стертую пятку, было с кем в гости пойти, кому поплакаться и с кем порадоваться. Или все это глупости?..

— К нам в отель президент приезжает, — произнесла она жалобно. — Представляешь? Заезжает его служба безопасности, а для обычных гостей мы закрываемся на два месяца.

— Какой президент?

— Американский, по-моему. — Тут она поняла, что не может вспомнить, как зовут американского президента, и опять заплакала.

— Надя!

— Я не буду, не буду, — торопливо сказала она и вытерла глаза.

Они еще посидели молча.

— А ты... будешь мне звонить?

Он промолчал.

— Или ты больше не хочешь меня видеть и слышать... вообще? Никогда?

— Да нет, — ответил он равнодушно. — Звони, конечно.

Уезжай, тихо и отчетливо сказал кто-то у нее в голове. Уезжай, хватит с тебя!..

И она поднялась с дивана.

Уехать сейчас было все равно что уйти на войну. Неизвестно, вернешься ли живым, и будут ли целы руки и ноги, или останешься навсегда там, куда уходишь.

Он посмотрел на нее.

— Ключи я отдам Саше. — Так звали соседа. — Прости меня и спасибо тебе за все.

— Это ты меня прости, — возразила Надежда. — И тебе спасибо. Ты для меня больше сделал, чем я для тебя.

Она забыла и то, что он для нее сделал, а потому просто повела вокруг рукой — как бы в знак того, что он сделал все.

Кажется, на том месте, где должна быть человеческая голова, наполненная мыслями, у нее осталась только вздутая пульсирующая кровавая рана, которая, должно быть, остается после гильотины.

Гильотину во Франции отменили только в 1978 году, а до этого в самой демократической и либеральной стране Европы все головы секли!..

Мне только что отсекли голову, хотя нынче уже не 1978 год. Что делать? Как жить без головы?..

Она еще походила по комнате, выжидая и смутно надеясь на то, что он сейчас скажет, что все это программа «Розыгрыш», хоум-видео, и сосед Сашка выпрыгнет откуда-нибудь с камерой, а муж подхватит ее под коленки, покружит и сообщит, что она дурочка последняя, раз во все это поверила, но ничего такого не произошло.

Он просто сидел и смотрел на нее. Ждал, когда она уйдет.

— В понедельник окно привезут, — вдруг сказал он. — В спальню. Ты не забыла?

Надежда сначала кивнула, а потом отрицательно помотала головой. Она понятия не имела ни про какое окно. Всеми такими делами в их семье занимался ее муж.

— Значит, забыла, — констатировал он.

— Да я и не знала.

— Как не знала! Я же тебе говорил!..

Она тяжело посмотрела на него.

— Ладно, — пробормотал он. — Я тогда заеду в понедельник, посмотрю, чтобы они его хорошо поставили. Ты в понедельник работаешь или нет?

У Надежды была сменная работа, как у шахтера или милиционера. Она быстро прикинула, работает или нет, — если не работает, значит, в понедельник у нее есть шанс его увидеть! Впрочем, если работает, всегда можно отпроситься у Лидочки. Лидочка умная и добрая, она все поймет и непременно ее отпустит!

— Я... Кажется, я на работе, но смогу...

— Вот и отлично, — продолжал он энергично. — Я приду, все сделаю, а когда ты вернешься, меня уже не будет. Тогда ключи Сашке я оставлю в понедельник, договорились?

— Да, — согласилась Надежда. — А может, ты до

понедельника уже поймешь, что твоя жизнь без меня пуста и однообразна...

— Я не пойму, — отрезал муж. — Ты шутишь, что ли?..

— Шучу, — мрачно подтвердила Надежда.

Она подцепила со стола ключи от своей машины и задумчиво покрутила их на пальце.

Я же его люблю. Я же его очень сильно люблю, а он принял решение — давно! — и ни слова мне не сказал, все обдумал и теперь прощается со мной навсегда?! И завтрашнее утро будет первым утром без него, и все последующие утра до самого конца тоже будут без него?!

— Ну, пока, — сказала она и сунула ключи в карман. — Я к Лидочке поеду, но завтра мне на работу, поэтому утром я приеду переодеваться. Ты еще здесь будешь?

Он покачал головой, как ей показалось, с облегчением.

— Нет, я, наверное, тоже уеду.

И она не спросила — куда. В прошлой жизни, которая кончилась десять минут назад, непременно бы спросила, а сейчас нет. Нельзя.

У порога — он пошел ее провожать — они обнялись и постояли некоторое время, тесно прижавшись друг к другу.

— Ты хорошо пахнешь, — сказала она

— Это ты мне подарила одеколон, — ответил он.

— Я желаю тебе удачи, — сказала она.

Еще секунда, и все кончится, и больше ничего не будет, ни тепла, ни одеколona, ни запаха, ни его самого.

— Спасибо, — поблагодарил он. — Все будет хорошо.

— Я надеюсь, — ответила она.

И вышла за дверь, и стала спускаться вниз по ши-

рокой лестнице залитого весенним солнцем парадного. У нее за спиной привычно повернулся в замке ключ — тоже в последний раз.

Она спускалась, держась за нагретые перила, и то место, где положено быть голове, болезненно пульсировало, и, кажется, там надувались и лопались кровавые пузыри.

Она вышла из подъезда и некоторое время стояла, не в силах сообразить, что должна сейчас делать. Кажется, сесть в машину и поехать к Лидочке, но где ее машина? И как на ней ехать? И где живет Лидочка?

Она сообразила, конечно, и двинулась в сторону автомобиля, вяло придумывая, что именно скажет Лидочке.

Да, да, это самое лучшее, что можно сделать, — немедленно поехать к Лидочке! Гильотинированная голова на миг приросла обратно. Надежда села в машину, завела ее и стала выруливать со двора.

Двое в пыльных «Жигулях» переглянулись.

— Ну, посмотрел? — спросил тот, что был за рулем. — Она и есть. Надежда Звонарева, начальник службы портье.

Второй зашелестел бумажками у себя на коленях, нашел нужную и прочитал короткую справку. Ничего не сказал и кивнул.

— Тебе о ней много знать не нужно, — продолжал первый. — Вы с ней виделись только один раз, на курсах в Лондоне. Ваш шеф, сэр Майкл Фьорини, приглашал на стажировку сотрудников из всех своих офисов. Ты тогда работал в Женеве.

— Да я помню! — возразил второй с досадой. — Почему у сэра такая странная фамилия? Итальянец?

— Итальянец. Титул купил. Все отели над ним смеются, но уважают. Он славный старикан.

— Почему мне о нем не говорили?

Первый усмехнулся, повернул в зажигании ключ и

несколько секунд послушал, как надсадно, словно из последних сил, стучит мотор.

— Успеется, — сказал он наконец. — Поехали. У нас еще несколько точек.

Когда Надежда, переждав на перекрестке «красный», поворачивала налево, «жигуль» вырулил из подворотни, помигал какому-то не в меру резвому джигиту, чтобы пропустил его, и покатил в другую сторону.

— Поэтому я от тебя и ухожу! — прокричала жена и очень громко стукнула по столу белой чашкой с красным сердцем и надписью «Я люблю Калифорнию».

У Дэна болела голова. Так сильно, как будто лопнули височные кости, и все, что было внутри и называлось его мозгами, вывалилось наружу. И теперь оно жарится на бешеном калифорнийском солнце, и скоро изжарится совсем.

— Зачем мы тогда сюда приехали? — спросил он. — Ты же так хотела в Калифорнию! И у нас отпуск...

— Затем, что я не хотела говорить об этом дома, где так много того, что мне дорого, — отчеканила жена.

Потом она подумала и достала из объемистой сумки книжицу, сверкнувшую глянцевою обложкой прямо ему в глаза. Он чуть не застонал.

— Вот тут написано, что расставаться следует быстро и ни о чем не сожалеть. — Она ловко и привычно пролистала тонкие страницы, нашла нужную и провозгласила: — «Расставайтесь легко и по первой необходимости! Расставайтесь дома и на работе! Расставайтесь в офисах и на вечеринках! Но если ваша связь была слишком долгой, лучше расставаться на нейтральной территории. Там у покинутого вами человека меньше шансов закатить скандал и окончательно испортить ваш день!»

Дэн Уолш вытаращил глаза. Даже голова перестала болеть.

— Ты бросаешь меня... по инструкции?!

— А что?! — спросила жена воинственно. — Это очень хорошая инструкция, и без нее я бы, может, и не решилась! И превратила бы свою жизнь в ад.

Он подумал немного.

— А мою?

Жена уже читала свою книгу в глянцевой обложке — всерьез читала, даже с упоением, и подняла на него глаза не сразу.

— Прости, не поняла?

— Мою жизнь ты не превратила в ад?

Она бережно закрыла томик, заложив палец на нужной странице. Черт бы ее подрал с ее психологическими книгами! Должно быть, в муниципальной школе города Топеки, где она училась, Библию читали с меньшим усердием!

— Дэн, — сказала она с чувством. — Твоя жизнь и так ад. Я просто не хочу в этом участвовать, вот и все! Мне тридцать семь лет, я делаю карьеру и планомерно иду к цели. У меня впереди долгая интересная дорога! А ты? Кто ты? Ты просто неудачник!

— Я?!

— Именно ты, Дэн, — произнесла она с сожалением и остановила проходящую мимо официантку: — Кофе без кофеина, сахару не нужно, молоко и горячую воду отдельно, пожалуйста. Кофе налейте в большую кружку, но только до половины, я не пью слишком крепкий. Я сама разбавлю его водой до нужной консистенции.

Официантка кивала, улыбалась, потом отошла на безопасное расстояние и сделала неприличный жест, с таким расчетом, чтобы Дэн видел, а его жена нет. На официантской груди фартучек стоял колом, распираемый силиконом.

Должно быть, мексиканка. Они все, перебравшись в Штаты, первым делом вставляют себе дешевые имплантаты.

— Ты постоянно в разъездах, Дэн Уолш! Госслужба не принесла тебе никаких дивидендов, кроме расстроенной психики и рухнувшей личной жизни.

— Я полковник федеральной службы безопасности, и мне всего тридцать девять.

— О'кей. Я знаю. Лет через десять ты станешь генералом и поведешь ни в чем не повинных американцев убивать ни в чем не повинных сербов в Ираке!

— Сербы в Сербии, — поправил ее Дэн Уолш неизвестно зачем. — В Ираке иракцы. Ни в чем не повинные американцы здесь, дома.

— О'кей. — Она подняла правую руку, словно собиралась на чем-нибудь поклясться. — В этих вопросах ты разбираешься лучше, чем я. Признаю.

— В каких вопросах?!

— В своих профессиональных, Дэнни, в профессиональных! Это единственное, в чем ты вообще разбираешься! Единственное, что привлекает тебя в жизни, — это Иран, Саддам, Фидель и несчастные сербы, против которых ополчился весь мир. Это очень благородно, Дэнни, но великая Америка строится не только на внешней политике. Великая Америка — это великие ценности.

— Я как раз охраняю одну из таких великих американских ценностей, — пробормотал Дэн Уолш. — Президента. И моя работа не имеет никакого отношения ни к сербам, ни к Саддаму!..

Но жене трудно было объяснить, что внешняя политика Штатов и федеральная служба охраны, в которой работает он, не имеют друг к другу никакого отношения. Она никогда этого не понимала, или понимала как-то по-своему и с гордостью говорила на

вечеринках-барбекю, что ее муж работает на «безопасность страны».

Он с ней не спорил. Он никогда не спорил — за чем? Вначале он был сильно в нее влюблен, и ему нравилось, что она им гордится, а потом объяснять стало как-то глупо — не дура же она на самом деле, чтобы в сотый раз повторять ей одно и то же!

Жена опять энергично вскинула руку. Откуда у нее взялись эти дурацкие жесты, как у дуче во время митингов в Риме?! Или в ее книжке сказано, что такие жесты при расставании отвлекают внимание покинутого и мешают ему закатить скандал и окончательно испортить ваш день?!

Попросить, что ли, виски?! Или здесь не подают? И после порции «Дикого индюка» немедленно захочется курить, а курить запрещено везде.

Милостивый боже, как болит голова! Это оттого, что меня бросает жена. Вот-вот бросит. А я не хочу! Не хочу!.. Мне придется все начинать сначала, а это долго, утомительно и неизвестно чем закончится! Кроме того, шеф не слишком жалуется офицеров «с проблемами», а у меня, кажется, проблемы, да еще какие!..

— В число великих американских ценностей, — продолжала жена, дучевскими жестами обрубая каждое слово, — входит не только верность долгу, дорогой! В число таких ценностей входит еще и верность семье! Мы служим не только Америке, но также господу и семье! А ты, Дэнни? Кому служишь ты?!

Дэн Уолш, профессионал до мозга костей, терпеть не мог таких разговоров. Он никогда не «служил господу, Америке и семье». Он просто работал так, как считал нужным, и работа была его жизнью.

— Я ничего не понимаю в таких вещах, — сказал он и отпил чуть теплого гадкого калифорнийского кофе. — Прости. Но ведь ты... любила меня. Что-то случилось?..

— Конечно, случилось! — энергично воскликнула она.

— Ты... нашла мне достойную замену?

— Дэнни, я каждое воскресенье хожу в церковь! И у алтаря перед лицом господя я поклялась оставаться тебе верной женой. Именно такой я и остаюсь! И твои подозрения оскорбительны для меня.

— Прости, — покаялся полковник Уолш. — Я не должен был так говорить. Но тогда в чем дело? Мы прожили вместе восемь лет, и ты, кажется, была довольна...

— Это ты был доволен! — крикнула она, и на глазах у нее показались слезы, и вдруг на одну минуту вернулась та самая студентка из Йеля, в которую он влюбился, казалось, на всю жизнь.

Она смешно говорила, стеснялась своей дремучей провинциальности и все время училась. У него почти не было денег — родители тогда как раз находились с ним в состоянии «холодной войны», а крохотной стипендии не хватало даже на квартиру. Его машина, столетний «Додж», подаренный ему владельцем магазина подержанных автомобилей за то, что он все лето мыл машины и катал потенциальных клиентов, заводилась только с третьей попытки, тряслась, гремела и изрыгала клубы синего дыма. И вот на этом «Додже» он первый раз повез ее в кино, а потом в немыслимую закусочную на окраине, и им было очень весело и интересно вдвоем, и «Додж», который прожил с ними долгую и счастливую жизнь, немедленно получил имя «Грязный Гарри», и это тоже их очень веселило!..

Дэн Уолш, завидев слезы своей жены, моментально пересел на ее сторону, обнял и прижал к себе.

Она уткнулась горячим маленьким лицом ему в футболку и зарыдала еще горше.

— Ш-ш-ш, — сказал он нежно и покачал ее из сто-

роны в сторону. — Бедная моя! Не плачь, не плачь, маленькая!..

— Я давно уже не маленькая, Дэн, — грустно сообщила она и его рукавом вытерла глаза. — Я была маленькой, когда мы познакомились. И я тогда не понимала, какая ужасная жизнь ожидает меня...

Он потерся щекой о ее волосы, такие знакомые, так приятно и вкусно пахнущие французскими духами, которые он привез ей из Парижа. Она никуда не выезжала дальше Майами, а он объездил весь мир и всегда привозил ей маленькие подарки. Утром в отеле она побрызгалась именно французскими духами и рассеянно потрепала его по щеке, когда он сделал попытку поцеловать ее не «просто так», а с «дальним прицелом».

Утром он еще не знал, что именно она задумала. Даже не догадывался.

— Тебя никогда не бывает дома, — сказала жена и отвернулась к окну, должно быть, чтобы он не видел ее лица. — А когда ты есть, ты все время занят. Даже во время уик-энда тебе звонят на сотовый, и ты разговариваешь по нему!

— Я не могу не разговаривать, это может быть важно...

— У Эшли муж хирург, и он никогда не отвечает на звонки, если ему звонят в выходные, — ожесточенно продолжала жена. — Никогда! Он ценит возможность побыть со своей семьей, и для него это важнее, чем любая работа! И дом! Ты видел, какой у них дом?

— Видел, — согласился Дэн Уолш. — У меня никогда не будет такого.

— Вот именно! — Тут она взглянула на него, и он понял, что той девчонки, которая каталась с ним на «Грязном Гарри» и ела дешевую китайскую лапшу, уже давно нет и, наверное, больше никогда не будет. — А если бы ты перешел консультантом в част-

ную фирму, например... например... да в какую угодно фирму, ты давно был бы миллионером!

— Не уверен.

— Дэн, ты блестящий профессионал, и все об этом знают! У тебя куча наград, и в прошлом году тебя даже приглашали читать лекции по безопасности!..

— Приглашали, — согласился Дэн Уолш. — Но это не значит, что я потенциальный миллионер! И... я не понял. Нам не хватает денег? Или я пропустил что-то важное?

— Мне не хватает тебя! — крикнула она и опять сделала энергичное движение. — Уже давно не хватает, Дэн!

Он пожал плечами и посмотрел поверх ее волос на залитую яростным калифорнийским солнцем улицу.

Он терпеть не мог калифорнийское солнце, калифорнийское шампанское и калифорнийских красавиц.

— У меня такая работа, и я плохо себе представляю, что она может быть другой.

— Вот именно, Дэн! — с горечью сказала его жена. — Вот именно! Ты не представляешь себя без этой чертовой работы, а я не представляю, что должна прожить жизнь соломенной вдовой!

— Чушь! — вдруг вспыхнул он. — Я не подводник и не полярник. Я не пропадаю по три месяца в рейде или на Северном полюсе. Шеф не бывает в командировках по полгода, а мы ездим, только когда ездит он!

— О'кей, — согласилась жена. — В прошлый уик-энд ты был в Париже, хотя нас приглашали Сикорски, и все были там парами, а я, как всегда, одна!

— Но я прилетел, и у меня было несколько дней...

— А у меня-то их не было, Дэнни! Я должна быть на службе всю неделю, и только уик-энд я могу посвятить семье.

— Семье — это значит мне? — уточнил Дэн Уолш. —

Или у тебя в семье есть кто-то еще и я просто об этом не осведомлен?

Это было не совсем по правилам, не совсем по-честному и не совсем в духе «хороших парней», но ребенок всегда был большим вопросом.

Он хотел детей, а она решительно отказывалась. Сейчас женщина рождает в сорок пять первого и в сорок восемь второго, и это позволяет ей вырастить полноценных детей, целиком посвятив себя их воспитанию, потому что карьера уже сделана, пенсия накоплена, домик куплен и открыты специальные «университетские счета» для каждого из планируемых потенциальных наследников и отдельный счет для оплаты услуг «большой мамочки» — няньки, которая будет с ними сидеть.

Только так, и больше никак.

— Я была права, когда говорила тебе, что мы еще не готовы к детям, — констатировала жена. — Мы даже свои отношения не смогли наладить, а дети во много раз усложнили бы наше положение.

— Может, мы не станем усложнять дальше? — спросил Дэн и потрогал рукой висок, то самое место, из которого вылезали белые кости и черное месиво, бывшее с утра его мозгом. — Может, нам стоит попробовать все наладить?

Он хотел было прибавить что-то из фильма, вроде «Дай мне еще один шанс» или «Видит бог, я не могу без тебя», но не стал.

Какой еще шанс? Нет никакого шанса!

Они или будут вместе и дальше, или не будут. И никаких иллюзий.

«Грязный Гарри», шелковая ночная сорочка, купленная на все сэкономленные за год деньги ей на Рождество, ветер дальних странствий — они много ездили, и все по самым дешевым мотелям, — секс на старом одеяле в проржавевшем кузове их старикана,

огромные голубые звезды на утреннем небе, и еще то, как она бежала к нему навстречу, когда он прилетал из командировок, — она тогда еще приезжала его встречать, добившись пропуска на военную базу, — все это осталось позади и никогда не вернется, и об этом можно сожалеть сколько угодно!..

Вернуть — никогда.

— Нет, Дэнни, — грустно сказала жена. — Ничего нельзя наладить. У тебя будет следующая командировка, а у Бобби и Надин очередная вечеринка, и я опять пойду на нее одна. А потом Сикорски купят дом, как у Эшли, а мы...

— У нас отличный дом, — бросил он с раздражением. — Ну зачем нам какой-то другой?! Или вместо двенадцати комнат ты хочешь тридцать шесть? И еще пару горничных и садовника?

— Меня повысили, — вдруг заявила она совершенно спокойно. — Я прошла все испытания, и я теперь партнер, Дэн! Я партнер!

— Поздравляю тебя.

— И я буду партнером в Сиэтле.

— Где?!

— А что тут такого?! В Вашингтоне партнеров достаточно, и меня перевели в Сиэтл.

Вот оно в чем дело.

Дети, командировки, Северный полюс и Саддам Хусейн ни при чем. Как это я сразу не догадался?! Офицер, черт возьми, всю жизнь проработавший в федеральной службе безопасности!..

— И ты уже согласилась?

— Да.

Теперь, когда все стало ясно, он перестал задавать глупые вопросы. Теперь он утверждал, а она только кивала.

— Ты давно приняла решение.

— Да.

— Ты все обдумала и даже обсудила со своим адвокатом.

— Дэнни...

— Ты поставила в известность своего шефа, этого чертового ублюдка, потому что он давно положил на тебя глаз. И сам он только недавно развелся в третий раз.

— Дэн Уолш!

— Ты ходила в клуб разведенных женщин и участвовала в паре тренировочных заседаний, где все эти разведенные стервы научили тебя, как нужно бросать мужей.

— Уолш!

— Они очень тебе сочувствовали, потому что ни одна из них, разумеется, не согласилась бы жить с мужчиной, который иногда ездит в командировки!

— И еще проводит на работе гораздо больше времени, чем дома, и еще носит под пиджаком пистолет, и знает кучу дурацких государственных тайн, и надувается, как индюк, когда спрашиваешь у него, во что была одета первая леди, когда вышла к завтраку в этом... о боже мой... в Китае, вот где!

— Пистолет у меня в сейфе, а не под пиджаком, тайн я не разглашаю, вопрос костюма первой леди — не мой, а протокольной службы.

— Перестань, Уолш! Тебе не запудрить мне мозги! И мне действительно очень помогли в центре реабилитации разведенных женщин, и мне очень важно, чтобы ты был...

— Стоп, — сказал полковник Уолш, один из лучших специалистов и один из самых доверенных офицеров президента Соединенных Штатов. — Ты ведь пока еще не разведенная женщина, если я правильно понимаю?

— Что ты имеешь в виду?

— Я узнал о том, что ты планируешь со мной раз-

вестись, только сегодня. А реабилитироваться в центр ты пошла заранее. Значит ли это, что ты приняла окончательное решение и я ничего не могу изменить?

Она взглянула на него и опустила голову.

— Есть ли еще что-то, о чем я должен знать, чтобы не выглядеть идиотом перед адвокатом?

Она молчала.

— Так, — подытожил он. — Что именно? Любовник?

— Нет!

— Дом?

— Не смей думать обо мне, как о какой-то шлюхе, которая...

— Счета?

Солнце все припекало, как будто наваливалось на его бедную голову. На стоянку перед кафе зарулил огромный лимузин, из него вышел человек в зеркальных очках, с пышными бакенбардами и в розовой пиджачной паре. Он постоял, давая всем желающим себя осмотреть, а потом неторопливо направился к дверям.

Калифорния, будь она проклята!..

— Что со счетами? Ты перевела на себя все или только общие?

— Общие, — быстро и виновато призналась она. — Как бы я могла перевести все?! Я считаю, что это справедливо, Дэнни. Это просто компенсация за то время, что я провела одна.

— О'кей. — Он поднялся и снова пересел на другую сторону, сознательно отдаляя себя от нее.

Придется привыкнуть. Теперь ко многому придется привыкать заново.

Нет, не так. Теперь придется долго и мучительно привыкать к тому, что я один и за спиной у меня пустота, а не одна из «великих американских ценностей», называемая семьей.

— Когда ты перебираешься в Сиэтл?

— Чем скорее, тем лучше. Шеф не может ждать, потому что в том офисе не закрыта эта вакансия.

— Ладно, — перебил ее он. В голове и на душе стало совсем скверно. — Ты вернешься в Вашингтон со мной?

Она покачала головой, достала из сумки темные очки и нацепила их — отгородилась от него окончательно.

— Я не хотела бы ехать с тобой в одной машине через всю страну, Дэн. Думаю, что прилечу на самолете. Тем более что мне нужно вернуться как можно быстрее, потому что офис в Сиэтле не может ждать.

— Я знаю, — сказал он с досадой. — Там не закрыта вакансия!..

— И не смей оскорблять меня, Дэн Уолш! Мой адвокат...

— Я ничего не хочу слышать про адвокатов. Но должен предупредить, что делиться придется честно. Я не могу отдать тебе все и остаться нищим.

— Как ты можешь так говорить, Дэн?!

— Я могу. Потому что ты перевела на себя все наши общие счета.

— Это всего лишь компенсация, я уже сказала...

— Черт с ней. Все остальное разделим так, как положено по закону. Согласна?

Она помолчала.

— Да.

— Тогда я поехал. Пока.

Он поднялся, похлопал себя по карманам, проверяя, на месте ли ключи от машины.

— А мой чемодан?

— Я попрошу официанта отнести его. Может, оставить тебе наличных?

— Дэн, перестань обо мне заботиться! Ты больше не мой муж!

— Ах да! — Он улыбнулся. — Я и забыл.

Он обошел стол и поцеловал ее, просто коснулся губами прохладной щеки.

— Пока. Будь счастлива.

— Ты тоже.

— Я постараюсь.

И он вышел из кафе под бешеное калифорнийское солнце, и подозвал официанта, и распахнул багажник «Навигатора», откуда сразу же пыхнуло жаром и горячей синтетической вонью, как будто там случился пожар.

Телефон у него зазвонил, когда он уже садился в машину.

— Дэн Уолш слушает.

— Дэнни, возвращайся в Вашингтон, — не здороваясь, приказал начальник личной охраны. — У нас проблемы с русским визитом.

— Какого рода, сэр?

— Появилась информация, что русские могут устроить нам сюрприз. Возвращайся, мы должны успеть подготовиться.

— Шеф в курсе, сэр?

— Ты первый, кого я ставлю в известность, Дэнни.

— Я ценю это, сэр.

Говорить или не говорить о том, что его только что бросила жена?.. Говорить или подождать?.. Ведь все еще может измениться, и тогда он окажется в идиотском положении.

Ничего не изменится, подсказал в изнеможении больной от солнца и горя мозг. Все, Уолш. Это конец истории, продолжения не будет.

— У меня небольшие личные проблемы, сэр, — отчеканил он в трубку. — Я смогу вернуться в Вашингтон только завтра к вечеру.

Начальник помолчал.

— Серьезные или все-таки небольшие, Дэн?

— Серьезные, сэр.

Опять пауза.

— Хорошо. Жду вас завтра к вечеру, полковник.

— Благодарю вас, сэр.

Он бросил телефон на соседнее кресло, где обычно сидела его жена, когда они ездили вдвоем, рванул с места и вылетел на калифорнийское шоссе.

Кафе, где они сидели, все уменьшалось в зеркале заднего вида, а потом дорога вильнула, и оно пропало вовсе.

— Вот и все, — сказал сам себе полковник Уолш. — Конец истории.

— Я так больше не могу!! — прорыдала она из ванной. — Я больше ничего не желаю слушать про твою работу и про то, что ты делаешь карьеру, Колечка! Я от тебя ухожу, и можешь быть абсолютно свободен! Просто как ветер!

— И проваливай куда хочешь! — тоже проорал он, схватил с захватанного руками стеклянного столика пачку сигарет и вытряхнул одну. Остальные рассыпались. — Мне все равно! Если ты не понимаешь, что я получил повышение, значит, скатертью дорога!

— А мне-то что от твоего повышения?! — Она выскочила из ванной и буйствовала в коридоре. Глухо падали какие-то вещи, словно она швыряла в стену валенки. — То у тебя тренинги, то у тебя учеба, то у тебя командировки по три месяца! С этой учебы ты приезжаешь вечно пьяный! Чему вас только учат-то там, на учебе этой?! Ребенок забыл, как отца зовут, а я забыла, когда мы в последний раз в театр ходили!

— А при чем тут театр?!

— А при том, что я не нанималась к тебе уборщицей и кухаркой! Я хочу жить, как все люди живут, я хочу по выходным на дачу ездить!

— Далась она тебе, дача эта!

— Далась, представь себе! И ребенок на свежем воздухе, и родителям приятно! Только мы на дачу не можем, у нас папочка карьеру делает!

— А тебе бы только мамочке своей угодить! Ты и дачу эту придумала, только чтобы мамочка была довольна! А у тебя муж есть! Есть или нет?

— А я не знаю!

Она выскочила из коридора и стала в дверях. Халат распахнулся на груди, и она воинственно его запахнула, будто опасалась за свою честь и готовилась отстоять ее.

— Да, вот не знаю, есть у меня муж или нету!

Он ползал по ковру и собирал сигареты, из которых сыпалась желтая табачная крошка. Руки у него тряслись. Он и впрямь вчера перебрал, когда праздновали его повышение и отъезд в Питер.

Вчера перебрал, а сегодня жена вдруг задумала с ним разводиться! Просто невезуха какая-то!

— Что ты там ползаешь?! Что ты там лазаешь?! Ты всю душу из меня вытянул!

— Я из тебя?! Да это ты со своей мамочкой житья мне не даешь, а я, между прочим, только для тебя и стараюсь! Стал бы я жилы рвать, если бы ты меня не пилила, чтобы мы жили, как люди живут?! И чего тебе не хватает?! Машина есть, квартира есть, все есть! Ребенок в приличную школу ходит! Что ты все ко мне цепляешься?! — Он собрал все сигареты, бережно ссыпал их на захватанный стеклянный столик, выпрямился.

Жена все стояла в дверях, и вид у нее был какой-то на редкость убитый, непривычный для нормального семейного скандала, случавшегося каждую неделю.

— Ты жилы мне рвешь, бабник проклятый?! Мне чего не хватает?! А того не хватает, что я замуж вышла, чтобы счастливой быть, а не чтоб всю жизнь за

тбой прислугой ходить! В Питер он уезжает, посмотрите на него?! У тебя там баба, что ли, в Питере этом проклятом?!

— Какая баба, чего ты пристаешь ко мне с этими бабами, дура?!

Тут вдруг она куда-то метнулась, пропала с глаз, и он получил передышку.

Он вытер со лба унижительный скандально-алкогольный пот, облизнул сухие губы и посмотрел по сторонам. Ему страшно хотелось пить, и руки все еще дрожали, и он знал, что «в баре» — так назывался полированный ящик с откидной крышкой — должна быть бутылка коньяку. Он давно бы уж тяпнул для облегчения своего нынешнего положения, но не решался, знал, что, если она увидит, скандал разгорится с новой силой, а ему бы полежать и, может, уснуть.

— В Питер он уезжает! — доносилось из коридора. — Поглядите на него! А я-то, дура, все думала, что этого быть не может! И мне ведь говорили, что в этих гостиницах ваших только один секс кругом, и больше ничего, а я не верила! И маме не верила, но она тоже говорила!..

Он послушал-послушал и мелкими шажками приблизился к «бару». Если она еще какое-то время будет копаться в коридоре, пожалуй, можно успеть! Аккуратно, чтобы не стукнуть, он потянул дверцу на себя. Она поддалась не сразу, за стеклом задребезжали рюмки, и он на секунду замер.

— Ты мне всю жизнь испортил, всю мою молодость забрал, а теперь я, значит, не гожусь?! Теперь, значит, ты девчонок молоденьких хочешь?! Я уж и забыла, когда он в последний раз со мной спал, а тут, здрасте-пожалуйста, какой герой-любовник в нем открылся!

Он еще потянул дверцу и увидел длинное горлыш-

ко вожделенной бутылки темного стекла, с золотистой умиротворяющей пробочкой.

Он покосился на дверь и облизнул пересохшие губы. Еще одно движение, и он ловко вытянет бутылку, открутит пробку и... и...

— Я тебе покажу Питер, козел вонючий! Я с тебя три шкуры спущу и голым в Африку пущу, и ни в какой Питер ты не поедешь!.. Карьеру он делает для меня, посмотрите все на него! А то, что ребенок растет сиротой, ему наплевать!

Он подцепил бутылку, которая вдруг стала выскальзывать из потных пальцев, и пришлось подхватить ее другой рукой, в этот момент крышка «бара» поехала в пазах и уже готова была стукнуть, но он прижал ее животом и не дал!..

Ну, господи благослови, теперь самое главное быстро, аккуратно, глоточек, сначала большой, а потом, второй, можно и поменьше, уж и от первого полегчает!

Он сорвал золотую фольгу, скрутил крышку, покосился на дверь и, держа бутылку двумя руками, понес ее к жаждущему, пересохшему рту.

И не донес.

— Ах вот оно что! А я-то думаю, что он затих, а он тут коньячком догоняется! Поставь бутылку, урод!..

И она кинулась и вырвала сосуд с живительной влагой из его слабеющих рук!

— Верни! — тяжело дыша, велел он. — Верни сейчас же!

В одной руке у жены была бутылка, в другой какой-то конверт. Она прижала конверт подбородком и показала ему фигу:

— А это видел?!

— Верни, кому говорю! Зараза!..

— Я зараза?! Это я зараза?! Это ты зараза! И не приходи ко мне! Не смей ко мне подходить!

Так как он надвигался на нее с явным намерением отобрать бутылку, она проворно отступила, перехватила конверт и швырнула ему в лицо:

— На! На! Гляди на себя! Господи, позор, срам какой! Я не переживу, не переживу-у-у!..

И тут она вдруг заревела так горько и от души, что он даже перепугался немного.

Он остановился, не дойдя до жены несколько шагов, покосился на бутылку у нее в руке и спросил хрипло:

— Ты чего ревешь?

— А ты посмотри-и-и! Вон, вон посмотри, бесстыжая твоя рожа!.. — И пальцем ткнула в ковер, по которому разлетелись какие-то фотографии.

Наклоняться было невыносимо — вчерашний алкоголь, еще не весь перекочевавший в почки и печень, потек в обратную сторону и заплескался где-то у глаз, отвратительный, кислый, разъедающий внутренности.

— Это чего такое?

— А ты посмотри, посмотри как следует!

Он поднял с пола фотографию и посмотрел. В глазах было мутно, в желудке гадко, и пришлось взяться рукой за сервант, чтобы не упасть.

На фотографии были какие-то огни, которые резали его и без того изрезанный мозг, и еще какая-то целующаяся парочка.

— Да чего это такое-то?!

— Ты что?! Прикидываешься?! За дуру меня держишь?! Нашкодил, как паршивый кот, так хоть имей смелость признаться!

— Кто шкодил-то?! Я, что ли?!

— А не ты?!

Фотография снова сверкнула ему в лицо приторным глянцем, и огни на ней вдруг показались смутно

знакомыми, и парочка тоже, и он вдруг весь налился холодным потом.

Неужели?! Неужели?! Да как это может быть?!

— Ну что? — презрительно спросила жена, наблюдая за его лицом. — Узнал, Колечка? Или как?

Он тяжело дышал, и вдруг с левой стороны груди что-то так закололо, что он привалился к серванту плечом. Там опять зазвенели рюмки.

— Что-то, Колечка, лица на тебе нет, — прошипела жена злорадно. — Чего это ты взбледнул так вдруг?

— Где ты это... взяла?!

— А это, Колечка, — она подошла и вытащила фотографию у него из пальцев, — нам добрые люди в почтовый ящик положили! Я думала, опять рекламу кинули, а тут вдруг такое!.. Да ты еще самого интересного не видел, остренького!

Она наклонилась, подобрала несколько фотографий и стала тыкать их ему в лицо.

— Нет, ты полюбуйся, полюбуйся!.. Прямо голубь с голубицей, сладкая парочка! Вот и в постельке снимочек есть, во всей красе! Да что ты морду-то воротишь, ты любуйся, любуйся!

Он отворачивался, потому что смотреть был не в силах.

Какая сука это сделала?! Кто мог так его... подставить?! И они с Натусей не заметили ничего, никакой слежки!

Выходит, все время, что они плавали на пароходе, их кто-то снимал?! И в каюте снимал?! И в постели?! И в ванной?!

Одним глазом он покосился на фотографию, которой жена все тыкала ему в лицо.

Ну да, их каюта, вон и Натусин лифчик белеет, который она зашвырнула на стол, когда он...

Кровь бросилась ему в лицо!..

— Чего ты молчишь, как истукан? Это так ты на

учебу и на семинары ездешь?! Это так ты для семьи стараешься?! Лахудру какую-то подцепил и укатил с ней трахаться!

Он хотел было обиженно возразить, что Натуся никакая не лахудра и уж точно получше будет, чем его жена — драгоценная, но вовремя поймал себя за язык.

Жена не отводила от него глаз, лицо у нее было залито слезами, волосы торчали неммытыми кудельками.

О господи, за что мне это все!..

— А теперь он в Питер наострился! Дела у него там! Какие там у тебя дела?! Лахудра твоя тебя там ожидает, на Московском вокзале?! Все глаза проглядела, букетик заготовила?!

Он молчал. Первый раз в жизни он не знал, что говорить. То есть решительно не знал. Никогда раньше его мелкие грехи, его шалости и похождения не были... запечатлены на пленку. Жена могла подозревать его сколько угодно, вместе со своей мамашей, черт бы побрал их обеих, но доказательств-то — на-кася выкуси! — нету! Нету, хоть вы тресните обе! А мне какая разница, что вы там такое себе напридумывали?! Я работаю в отельном бизнесе — и звучит престижно, и свобода полная, жена-бухгалтерша все равно никогда не разберется, правда ли на сегодня семинар назначили или не назначили, а может, банкетная служба юбилей своего менеджера отмечает, и все остальные службы там обязаны быть кровь из носу!

Фотографии, раскиданные по вытертому ковру, были отвратительны, как пятна химической краски. Кажется, они даже воняли краской, а глянецовый блеск проникал в глазные яблоки и жег, жег!.. Как это так вышло, что они с Натусей не заметили никакой слежки?! Как они были беспечны и свободны в своей любви! Как они тратили драгоценные, сладостные секунды друг на друга, пока вмешательство жестокого мира не остановило их так... болезненно и остро!

В институте Коля Саньков читал много переводной литературы — такая только-только появилась, и в его неокрепшем мозгу плохие тогдашние переводы оставили неизгладимый след. Коля был уверен, что «высокий штиль» переводных романов и есть самый правильный способ выражать свои мысли и чувства.

Его жена — тогда она еще была не жена — приходила в восторг, когда он говорил ей, что готов «целовать ступеньки, по которым она поднимается» к себе на второй этаж, или что «цвет японских ирисов напоминает цвет ее глаз, когда она смотрит на уходящее солнце».

Какие такие «японские ирисы», он знать не знал, и «целовать ступени» хрущевского дома представлялось ему занятием сомнительным во всех отношениях, но она клюнула! Она клюнула и поверила в то, что он испытывает к ней любовь «как в романе»!..

Слова были как в романе, а с любовью вышла незадача.

Сначала было еще ничего, а потом ребенок, проблемы, заботы, денег вечно нет, он вечно в отъезде или задерживается, она всегда недовольна, и пошло-поехало!..

Но самое смешное и любопытное, что все женщины, с которыми он спал, клевали на то же самое — на «японские ирисы», на то, что в волосах «капли воды, как бриллианты», на то, что по пляжику реки Пехорки, заваленному пивными банками и пакетами из-под чипсов, она идет, как «королева красоты, и все остальное убожество меркнет перед ней». Еще очень клевали, когда он открывал дверцу машины. О-о, это вариант бесприоритетный!

— Не-ет, это ты мне объясни! Объясни, в какое дерьмо нас втравил! Что это за макака?! Откуда она взялась?! И может, она больная, они сейчас все зара-

женные, кто СПИДом, кто сифилисом, кто паразитами! Где ты ее подобрал?! Говори сейчас же!

И жена топнула ногой, и в серванте опять тоненько зазвенели стаканы.

Коля Саньков, герой-любовник, открыл рот и пошевелил губами. Пересохшие губы елозили друг по другу, цеплялись, и было очень противно.

— Тут... неправда, — проскрипел он, долго вспоминал слово, шевелил пересохшим ртом и наконец вспомнил: — Фотомонтаж!

— Какой еще фотомонтаж?! Да кому надо тебя фотомонтировать-то?! Ты чего? Секретный шпион ЦРУ?! Или президент американский?!

— Он в отель приезжает, — проскрипел Коля снова. — В Питер. У меня там... работа... пригласили меня... работать буду...

— Кто приезжает?! Куда?! У тебя белая горячка, что ли?! Или как это все понимать?!

— У меня горячки нету, — сказал Коля обиженно, насколько позволяло нынешнее состояние души и тела. — Президент американский приезжает. В Питер.

— Так это ты с президентом сфотографирован?! С американским?! Вот, вот! И еще вот тут!! Нет, ты не отворачивайся, ты смотри, поганец! Я еще и ребенку покажу, чтобы он знал, какой у него папочка работой занимается! Почетной такой!..

— Не смей! — прохрипел Коля. — Ребенку не смей!..

Как все глубоко равнодушные к близким, он искренне полагал, что очень любит ребенка и живет ради него.

Жена нагнулась и стала собирать с пола фотографии, приговаривая, что с ними она пойдет в народный суд, когда настанет время делить имущество, а сейчас чтобы он катился куда глаза глядят, хоть к этой своей лахудре, хоть к любой другой, ей до этого дела нет, потому что с этой минуты он ей не муж!

И как это она утерпела, не затеялась разобраться, когда он вчера ночью домой пришел?..

— Хорошо, хорошо, я уйду... — бормотал несчастный Коля, переступая по ковру бледными волосатыми ногами, чтобы не мешать ей собирать их с Натусей снимки. — Только мне надо вещи взять...

— И так не заржавеешь, несобранный! Проваливай сейчас же! Мама скоро ребенка привезет! Проваливай, кому говорят!

Легко сказать — проваливай! Еще легче гордо ответить, что через десять минут меня и след простынет, но вот как это сделать?!.. Идти некуда — родители в Казани, к ним, что ли, сию минуту отправиться? Квартира была некогда «пробита» тестем. Для того чтобы получить две двухкомнатных — одна смежная, другая отдельная, — тесть свою трехкомнатную, полученную на ЗИЛе, обменял «с доплатой», и записана она на жену и ребенка. Друзья? Нету у него друзей, у которых можно было бы пристроиться, пока буря не пройдет стороной. Родственники? Была когда-то в Москве тетя Соня, к которой в свое время он и прибыл из Казани, но с тех пор прошло много лет, и перестав нуждаться в материальном вспомоществовании, племянник перестал к ней навещаться, может, уже и померла! Впрочем, скорее всего жива-здорова. Если бы перекинулась, мама из Казани давно бы написала.

Куда деваться-то?!.. Куда уходить?! К тете Соне как-то неловко.

— И чтобы духу твоего тут не было, и чтоб ты сдох где-нибудь на помойке! — ожесточенно бормотала жена. Она сгробала фотографии и как попало запикивала их в конверт. — И к ребенку не смей подходить на пушечный выстрел! Увижу — убью! А снимочки мне пригодятся! В народном суде небось тоже люди

судят, пускай они посмотрят, как папка со своей семьей обращается!

Его тошнило и хотелось умереть, чтобы не мучиться так уж сильно, и единственная мысль, шевелившаяся в голове быстрее, чем мельничный жернов, была только об этих снимках.

Кто его подставил?! Кто выдал их с Натусей страшную тайну — начитавшись переводных романов, он именно так и думал: «страшная тайна»! Кто посмел вторгнуться в самое сокровенное, что у него было?! Да еще подсунил фотографии жене! Она бы и знать ничего не знала и не догадывалась бы ни о чем! Все по карманам бы шарила, искала губную помаду или женские трусики, а его на таких вещах не поймаешь, он калач тертый!

Из-за такой ерунды — поганых фотографий! — вся жизнь пошла прахом! Вся жизнь прахом пошла!..

— Проваливай! — прикрикнула опять жена. — И чтобы духу твоего здесь не было больше никогда! Посмей только нос сюда сунуть, и я тебя!..

Коля Саньков в последний раз с сожалением оглянулся на бутылку, с наполовину оторванной фольгой и почти отвинченной крышечкой, переступил через жену, ползавшую на коленях, и потащился в спальню.

Там был разгром и пахло «человечиной», как когда-то говорила та самая тетя Соня, — нечистым бельем, пылью, разобранной постелью, которую давно не меняли.

Коля открыл гардероб и, придерживая рукой голову, чтобы совсем не отвалилась, стал таскать оттуда какие-то вещи, смутно надеясь, что это его, а не жены.

Что значит — убирайся? Что значит — пошел вон? Что он ей, собачка, что ли, которую можно вот просто так взять и выгнать!

Гора вещей на разгромленной постели все росла.

Он косился воспаленным глазом и продолжал таскать.

Как нужно уходить от жен? Он понятия не имел. Наверно, все это следует сложить в сумку, только где ее взять? Где у них в квартире дорожные сумки? На антресолях, кажется, где еще они могут быть? Конечно, на антресолях, жена всегда оттуда достает, когда он едет в очередную командировку.

Эх, хороша была командировка с Натусей на теплоходе! Звезды сияли, на воде было уже тепло, несмотря на то что лето только началось. Коля, втянув живот, мужественно балансировал на вышке, привлекая благосклонное Натусино внимание, а потом ласточкой кидался в бассейн и однажды сильно зашиб живот и то, что ниже, чуть не до слез. Натуся оказалась девахой простецкой и без глупостей — опрокидывала джинс с тоником, резалась в картишки с соседями по столу, к ужину выходила в прозрачной маечке, белых брючках и на шпильках, волосы собраны в хвост. Теплоход представлялся ей райской обителью, а Коля Саньков повелителем этой обители, суть господом богом. Он шикарно заказывал коктейли, носил белые джинсы, поигрывал в пинг-понг с теплоходными жиголо, знал множество анекдотов и умел их рассказывать, бросался с бортика в бассейн, на ужине заказывал музыкантам песню «Ах, какая женщина!..» и элегантно приглашал Натусю танцевать. А по вечерам они бродили по палубе, целовались в шезлонгах, смотрели на звезды и подставляли пылающие лица волжскому ветру.

Не жизнь, а просто праздник какой-то!..

И как все ужасно закончилось — гадкими фотографиями, истерикой жены и криками «пошел вон!». Жизнь вообще очень подлая штука!..

Коля постоял, прислушиваясь, а потом с тоской взглянул на кучу вещей. И что дальше?.. Ну, найдет

он сумку, ну, попихает в нее шмотки, а потом что? Кухню пополам, детей об стенку и тапочки в окно? Самое главное, он совсем не чувствовал себя виноватым и был страшно зол на ту сволочь, что сделала снимки, да еще прислала их жене! Главное, зачем прислала-то? Ладно бы, угрозы разоблачения и требования денег, так ведь нет этого ничего!

Из коридора послышался какой-то шум, и в спальню влетела жена с той самой сумкой, которую он не знал где взять.

— Вот тебе, Колечка, котомка твоя, давай, соберайся и проваливай с глаз моих!

Не глядя, она сгребла с кровати накиданные им вещи — за ними потащилось и одеяло — и стала ожесточенно запихивать в сумку.

— Ты... подожди, — попросил он жалобно. — Ты... это... ты все не так поняла...

— Я?! Я не так поняла?! Фотки со шлюхой я не рассмотрела?! Или ты с ней в кровати синхронным плаванием занимался?! Я думала, у меня муж есть, а ты мне больше не муж! Ты подлец, и душа у тебя подлая!..

— Да нет... — забормотал он. Она отшвырнула пододеяльник, который лез в сумку, дернула его, раздался треск. — Просто... это не то, что ты думаешь...

— Просто тебе деваться некуда, урод проклятый! Вот ты и ноешь теперь! Ноет он! А вот это ты видел?! — Она выдернула руку из сумки и сунула ему под нос фигу, сложенную из неухоженных красных пальцев. Фига была так близко, что он отшатнулся. — Раньше надо было думать, когда ты всяких шлюх трахал, а сейчас поздно! Убирайся вон из моего дома, и чтобы духу твоего тут не было!..

В два счета она набила сумку, скинула ее на пол, уселась верхом и затянула «молнию», а потом пинками погнала баул к двери. Сумка ползла, зацепившись

за ковер, и ковер постепенно собирался неровными складками.

Собственно, эти складки — последнее, что осталось в голове у Коли Санькова, где все тоже пошло складками, и он вдруг осознал себя во дворе родной многоэтажки, на лавочке, сумка стоит рядом, в пыли, и из кособокой урны тянет тленом.

Трясущейся рукой он вытер мокрый, холодный лоб и огляделся.

И куда теперь?.. И что теперь?..

В голове неотвязно крутилась подлая и неуместная мыслишка, которую все повторяла его зараза-жена, — раньше нужно было думать! — но эту мыслишку он отверг. Как это он мог думать раньше, когда Натуся была столь неотразима! А до Натуси Танюша была хороша, а до Танюши, кажется, Надюша, а может, Катюша. Думать раньше — значит, лишит себя всех жизненных удовольствий, заранее и навсегда, а как такое возможно?!

К Натусе поехать нет никакой возможности — она не примет, а если вдруг примет, еще хуже!.. Тогда на ней придется жениться, значит, разводиться со старой женой, а как же ребенок?! Он, Коля Саньков, живет ради ребенка, это всем известно!

И... лень.

Новая жена, новые хлопоты. Новые родственники, новые бигуди в раковине, новые чашки на кухне, да и сама кухня, выходит, новая! А где ее взять?! Придется снимать углы.

Коля Саньков, который в родном отеле руководил «лагидж-боями», то есть специальными людьми, что таскают чемоданы приезжающих и отъезжающих, а заодно и грузчиками, не хотел никаких таких проблем. Они его пугали.

— Ты чего сидишь, мужик? — вдруг спросил кто-то рядом. — Да еще с портфелем! — «Портфель» было

произнесено с ударением на первый слог. — Ночевать, что ль, негде? Приезжий? Или жинка выгнала?

Коля осторожно повернул голову и посмотрел. Рядом с ним на лавочку пристроился обыкновенный мужичонка в полосатой майке и зеркальных очках. Мужичонка крутил на пальце ключи от машины. Ключи вдруг сорвались, бухнулись в пыль рядом с его сумкой.

— А, чтобы тебя!.. — пробормотал мужичонка, поднял ключи и вытер руку о джинсы.

— Бабы, они такие, — продолжал он как ни в чем не бывало, и опять стал крутить ключи. — Они порождение сатаны, сказано в Писании!

Коля подпер рукой голову, в которой вертелись жернова, били отбойные молотки и несколько подъемных кранов все время роняли бетонные плиты, и ничего не ответил за неимением сил.

— Может, выпьешь со мной? — вдруг с надеждой поинтересовался мужик. — А то ведь у меня дома тоже змея подколодная затаилась, идти неохота, а выпить не с кем!

Коля Саньков отнял пальцы от воспаленных глаз и покосился на мужичонку. Даже это движение доставило ему невыразимые муки.

— Давай, мужик! — подбодрил тот. — Я же вижу, маятно тебе! Пойдем, полечимся! У меня и машина тут рядышком, а на проспекте пивняк зашибенный, бар «У Муслима» называется, знаешь?

Коля пожал плечами. Ему было все равно, лишь бы «полечиться», а мужичонка предлагал простой и действенный способ.

— Ну давай, давай, а там, может, придумается чего! Может, у меня переночуешь, а жинка одумается! Много ли им, бабам, надо! Волос долгий, ум короткий, она к утру и не вспомнит, из-за чего на тебя вызверилась! Ух, сатанинское отродье!..

— У меня деньги есть, — прохрипел Коля, судорожно пытаясь вспомнить, есть или нет, — я тебе заплачу!

Мужичонка махнул рукой:

— Да я и сам нынче при деньгах! Нам получку выдали, на службе-то! Только зачем я всю получку той змее подкольной понесу, что у меня в доме угнездилась! Сейчас мы ее с тобой на двоих-то!.. Хоть чего-нибудь себе, уж того, что я выпью, она у меня не отнимет!

И он хрипло засмеялся над такой своей шуткой.

— Вставай, вставай, пошли!..

Коля Саньков встал, покачнулся, постоял, вздыхая, и двинулся следом за мужичонкой, который уже проворно тащил к «жигуленку» его сумку.

— Макс! Ма-акс!

— М-м?

— Макс, вставай, хорош спать! На выезд!

— М-м?..

— На выезд, кому говорю! Серега уже под парами стоит, и кочегары на месте! Да вставай ты!

Максим Вавилов во сне увидел паровоз и машиниста, выглядывающего из окошка. Машинистом была огромная щука в фуражке. Паровоз сильно трясло на стрелках. «Елки-палки!» — подумал он во сне про щуку-машиниста, которая не сбавляла скорости.

— Макс, па-адьем! Па-адьем! Казарма!!! Тревога!!

Он сел на кушетке, не в силах расстаться со своей щукой в фуражке, которая выглядывала из паровозного оконца и щерила зубастую пасть — улыбалась.

— Макс, на выезд!

— А сколько сейчас?..

— Три тридцать семь. Чего это ты так разоспался, ешкин кот!..

Максим Вавилов потер лицо. Отросшая за ночь щетина сильно кололась и казалась незнакомой, как будто он тер чье-то чужое лицо.

— А что случилось-то?

— Труп у нас случился, что еще у нас может случиться?!

— А какой я сон видел! Про шуку, которая вроде бы на паровозе едет, а на самом деле...

— Макс, тебе бы только про шук смотреть! Давай, вставай уже! Я тут около тебя полчаса ритуальные танцы танцую, а Серега, между прочим, все полчаса своим телом провода греет, чтобы машина завелась!

— Скажи, пусть охлаждает лучше, — пробормотал Максим Вавилов, старший оперуполномоченный по должности и майор по званию.

— Чего охлаждает?..

— Провода, скажи, пусть Серега охлаждает, что, что!.. На улице тридцать градусов, а он провода греет!..

— Так тридцать днем было, — обиженно сказал лейтенант Бобров. — Сейчас-то едва пятнадцать набегит.

— Иди ты!.. — приказал Максим Вавилов. Как старший по званию. — Иди, иди! К Сереге в машину иди, я сейчас...

Что-то неважно ему было. Уработался.

Отпуск отменили еще в апреле из-за очередного «усиления». То ли слух прошел про террористов, то ли на самом деле фээсбэшники чего-то такое накопили, но, короче, приказали «усилить».

Усилили как могли. Могли не очень, потому что — Максим Вавилов подсчитал! — с нового года апрельский приказ по «усилению» был одиннадцатым. Вот и выходит, что за полгода отечественные силы правопорядка усилились в одиннадцать раз, ибо предыдущие приказы никто и не думал отменять. Большое начальство приказик-то выпустит, начальство помельче его

выполнит или сделает вид, что выполнит, а потом то, большое, про приказик-то и позабудет, у него других дел невпроворот. То генерального прокурора снимут, то, того гляди, министра МВД переназначат, то коррупционный заговор раскроют, оборотни в погонах, мол, и все такое!.. А мелкое начальство приказ об усилении отменить никак не может, потому оно пугливое очень. Потому что оно нервное. Потому и боится.

Оно «усиление» отменит, а тут — трах-ба-бах! — в подъезде жилого дома три килограмма тротила или сто граммов С-4! Кто виноват? Кто не доглядел? Правоохранительные органы не доглядели! А почему не доглядели? А потому что приказ об усилении отменили!

— Вашу мать... — пробормотал Максим Вавилов, стащил себя с кушетки — практически за шиворот стащил — и поволокся за фанерный шкафчик, умыться.

За шкафчиком имелся пластмассовый стол, покрытый для красоты клеенкой, которую подарила Максиму мама. На столе стояли разнокалиберные чашки, черные от времени и заварки, и среди них одна — новая, сверкающая белизной, с красным сердцем и надписью «Я люблю Калифорнию». Еще были: микроволновая печь, разделочная доска, засыпанная крошками и загнутыми сырными корками, засаленный нож с отбитой черной ручкой, пустой пакет из-под чипсов, на котором была нарисована такая аппетитная картошка, что у старшего оперуполномоченного немедленно засосало в желудке, чей-то термос без крышки, коробка сахару, несколько липких конфет россыпью, кофейная банка без кофе и одна пластмассовая ложка — мешать в кружке, на тот случай, если кто-нибудь где-нибудь раздобудет кофе.

И еще раковина с краном. Вода из крана шла произвольно, повинуюсь неведомым законам, иногда толь-

ко холодная, а иногда только горячая, и почему-то это никогда не совпадало со временем года. Летом шпарил кипяток, а зимой шла ледяная каша.

Максим Вавилов открыл кран и подождал какое-то время, чтобы не угодить под кипяток, а потом осторожно пощупал. Вода была никакая, ни теплая, ни холодная, противная, и он кое-как умылся.

Елки-палки, труп!.. А он-то надеялся, что нынешняя ночь... того... хорошо сложилась. Без трупов.

Полотенце на пластмассовом крючке в виде морды Винни-Пуха даже на ощупь было заскорузлым от грязи, не висело, а стояло колом. Максим отряхнул с лица противную воду и вытираться не стал.

— Вавилов! Ты где там застрял?!

— Да здесь я!

— Меня Ерохин послал узнать, выехали на вызов или нет! Какая-то дамочка истерическая в пятый раз звóнит!

— Не истерическая, а истеричная, — поправил за шкапчиком Максим Вавилов, у которого мама в школе преподавала русский язык и литературу. — И не звóнит, а звонít!

— Ты чего, Вавилов? Ты где там?! Чего начальство нервирешь?!

— Уйду я от вас, — объявил Максим Вавилов, выйдя из-за шкафа. — Уйду, Боря! Сдохнуть можно от такой работы и от тебя тоже, Боря, можно сдохнуть!

— Чего это от меня дохнуть? — обиженно спросил дежурный. — Вот работа — другое дело! Только куда ты пойдешь-то от нас? В школу, энвэпэ преподавать?

— Энвэпэ отменили, Боря.

Дежурный подумал.

— Когда отменили?

— Давно. Вместе с Берлинской стеной и политической «холодной войны».

— Тогда тем более не уйдешь, — заключил дежур-

ный. — Ты, Вавилов, чего умеешь? Ничего ты не умеешь! Только бумажки строчить да формы заполнять, подпишите здесь, здесь и здесь! Куда ты денешься?!

Почему-то Максима Вавилова это задело.

— У меня высшее образование, — сказал он обиженно и вместо того, чтобы пойти наконец в машину, вернулся за шкафчик и стал изучать себя в зеркале.

Ничего хорошего там не показывали — Максим Вавилов всегда отличался самокритичностью. Рожа как рожа, да еще отечная.

— Ну вот, ты со своим высшим и просидишь здесь всю жизнь, — заключил Боря. — Да чего ты опять туда полез?! Выходи давай! А то Ерохин мне вставит!

— Тебе, Боря, давно пора вставить!

— Чего?!

— Шутка такая, — сказал Максим мрачно и вышел из комнаты.

Над входом в дежурную часть горел прожектор, и ребята стояли возле «Волги», разговаривали ночными голосами, которые далеко разносились по улице. Рация трещала и хрипела, ничего не разобрать. Было тепло, пахло тополями и подсыхающим асфальтом. Наверное, поливалка недавно прошла. Самое для них, для поливалок, время. Утро скоро.

— Макс, ты чего застрял? Поехали, поехали уже!

— А что за труп? Криминальный?

— А х... его знает!

— Ну криминальный, конечно! Был бы не наш, его бы давно труповозка забрала!

— А какой я сон видел, — поделился Максим Вавилов и полез в карман за сигаретами. — Про щуку в паровозе.

Никто не обратил на него никакого внимания.

— Мужики, ну чего вы стоите-то, мать вашу так? Мне Ерохин уже третий раз дал по мозгам!.. И дамочка опять звонила!..

— Да мы идем уже!

— Да отвяжись ты, Боря!..

— Мужики, а я в отпуске с понедельника.

— Подписали?!

— Сам не верю! Я думал, усиление это, то, се — ни за что не подпишут. И я ему говорю: ну, това-ариш полковник, ну войдите в мое положение, у меня жена, теща, а вы меня не пускаете!.. А он мне...

— Уйду я от вас, — сказал Максим Вавилов, задрав щетинистый подбородок к темному небу, которое над домами уже синело, а над дорогой казалось темным, плотным. — Эвнэпэ в школе преподавать!

Он взгромоздился на переднее сиденье «Волги», рядом с водителем Серегой, который с места в карьер начал рассказывать про свои шесть соток и про то, как в прошлом году жена собрала с одной грядки ведра баклажанов, а в этом на спор с соседкой собирает-ся снять столько же красного перца.

А соседка ей — перец в наших широтах не растет!

А жена соседке — это вы растить не умеете! Нужно не лениться, а еще в феврале...

А соседка на это — да чего в феврале, когда в августе как пить дать заморозки будут, и весь лист чернотой побьет!

А жена в ответ — надо по лунному календарю сажать, и тогда до заморозков успеет вызреть, а если не успеет, то заранее снять и под кроватью разложить или еще в какое место, лишь бы темно и сухо...

— Серег, — перебил Максим Вавилов, его качало на сиденье, фонари качались перед глазами, и то ли от Серегоных баклажанов, то ли от недосыпа было тошно. И мужики на заднем сиденье перебрехивались вяло, смолили какую-то махру, от которой еще больше мутило. — Серег, вот ты мне скажи как на духу... Нет, как перед проверяющим из главка...

— Типун тебе на язык, Макс!

— ...зачем тебе ведро баклажанов?

Водитель посмотрел на него, как инквизиторы на Галилея, в момент утверждения им, что Земля вертится.

— Как зачем?! А зимой чего мы жрать будем?!

— Баклажаны?

— И баклажаны! И перчик, и картошечку, и огурчики, и помидорчики маманя солит, пальчики оближешь, и лечо варит, а из смородины вино делает, женский пол очень его обожает, а тесть на калгане водку настаивает, так ее под огурчик, да под картошечку, да судачка — у нас их алкоголики-браконьеры носят!.. А еще...

— Я жрать со вчерашнего дня хочу, — мрачно заявил Максим Вавилов. — Только баклажаны можно на базаре купить, а ты каждую пятницу по четыре часа в пробке стоишь, до своих Луховиц как раз, а потом еще в воскресенье четыре часа пилишь в Москву! Оно тебе надо?

Святая инквизиция стала потихоньку наливать праведным гневом.

— А тебе чего, не надо, Макс? Ты чего, богатый, что ли, на рынке баклажаны ведрами покупать?!

— Да они в августе не стоят ничего!

— А я все равно не миллионер, чтобы на базаре ведрами покупать! И потом, свое самое лучшее, с грядки, свежее! А откуда я знаю, чем там этот урюк, который продает, свои баклажаны поливал! А мы только навозцем, только свежим, земля — хоть ложкой ешь, а ты говоришь — на базаре!..

— Да я не говорю!..

— Ну и молчи, раз ни черта не понимаешь! Полстраны своими шестью сотками живет, а этот выискался, не надо ему!..

— Да я молчу.

— Ну и молчи.

— Мужики, мужики, — вступил с заднего сиденья

лейтенант Бобров. — Приехали уже. Серег, ты куда попер?! Здесь направо надо было!

— А чего он ко мне вяжется!

— Вавилов, не вяжись к нему!

— Пойду энвэпэ преподавать. Команда газы! Противогазы на-деть!..

— Давай тут двором, Серег! До утра, что ли, будем кататься!

— Пусть теперь Вавилов на праздники закуску таскает! Раз ему не надо! На базаре покупает и таскает! А вы жрите что дают!..

— Стой, стой, Серег! Вон, видать, и дамочка ненормальная обретается.

— Где?

— А под фонарем!

Под фонарем и впрямь мыкалась какая-то одинокая сутулая фигура, дамочка или нет, отсюда было не разобрать. «Волга» фыркнула в последний раз и оставилась. Приехали.

— Слышь, Вавилов, а зря ты так про Серегины баклажаны!..

Старший оперуполномоченный обреченно махнул рукой на коллектив и выбрался из машины.

Выбрался не спеша, очень лень ему было, да и надеялся он, что хоть эта ночь как-нибудь без трупов обойдется, а тут — начинай все по новой!

— Что вы так долго ехали?! — заговорила издалека сутулая фигура. Голос женский, значит, и впрямь, ерохинская дамочка. — Сколько можно!

— Если там у вас труп, — сказал Максим Вавилов громко, — значит, можно не торопиться! Куда теперь торопиться-то?

— Послушайте, я тут стою одна уже два часа, и мне страшно, и уйти я не могу, а вы говорите...

Максим Вавилов перестал потягиваться и стреми-

тельно приблизился к дамочке. Он умел передвигаться очень быстро. Когда хотел.

Приблизившись, сунул ей под нос удостоверение. Она отшатнулась от неожиданности.

— Майор Вавилов. Документы ваши, пожалуйста.

— Ах, ну какие у меня документы среди ночи! Хотя паспорт, по-моему, я брала. Или не брала, что ли?.. Да-да, вот он!..

Мужики выходили из машины, хлопали дверьми и громко разговаривали. Дамочка тревожно заглядывала Максиму за плечо и прислушивалась. Он изучал ее паспорт. Тополя шелестели, скоро пух полетит, не продохнешь тогда.

Паспорт, серия, номер, выдан. Самгина Екатерина Михайловна. Двадцать пять лет. Прописана... В Санкт-Петербурге прописана по адресу Каменноостровский, 43, любопытно!.. Невоеннообязанная, разведенная — уже успела! — выдан заграничный паспорт.

С фотографии на майора Вавилова смотрела прекрасная красавица. Максим Вавилов взглянул дамочке в лицо.

Вот те на!.. И вправду распрекрасная красавица. Лучше даже, чем в паспорте, потому что на бумаге у нее вид надменный и неприступный, а в жизни встревоженный, и под глазами синяки.

Он протянул ей паспорт.

— А в Москву пожаловали, Екатерина Михайловна, чтобы специально по ночам прогуливаться?

— Что?

Она перестала заглядывать ему за плечо и посмотрела в лицо.

— Где труп, который вы нашли? — грубо спросил он. — Пойдемте, покажете!

Был у него такой способ оценивать всех женщин на свете — годится для того, чтобы завести с ней роман, или нет. Эта годилась.

Еще как, подумал он с некоторой печалью в свой адрес и даже вздохнул.

Утро туманное, утро седое. Нивы печальные, снегом покрытые. Кажется, будто...

— Вы понимаете, я возвращалась из Останкина, поймала машину. Водитель меня довез и высадил прямо под фонарем, видите?

— Он тут один, фонарь-то, — сказал Максим Вавилов. — Как не видеть?..

— Ну вот. Я отсчитала деньги, и он уехал, а я пошла к подъезду.

— Вы здесь живете?

— Снимаю. Я учусь здесь.

— В подъезде? — не удержался Максим Вавилов, но она не поняла. То ли была напугана, то ли вообще без чувства юмора.

— Да нет, почему в подъезде!

— Значит, в университете. Да?

— Нет, не в университете! Я учусь в Останкине, меня начальник на стажировку отправил, на Первый канал. Ах да! Я не представилась!

И с необычайной гордостью она вытащила из кармана долгополого сюртука, в который была наряжена, удостоверение и сунула его Максиму под нос, как только что он совал ей свое.

В удостоверении была еще одна фотка сказочной красоты и написано большими буквами, что Самгина Екатерина является сотрудником телекомпании такой-то.

— Очень хорошо, — похвалил Максим Вавилов и захлопнул ее удостоверение прямо у нее в ладони. Она удивленно посмотрела на свою руку. — Значит, вы учитесь в Останкине, а здесь снимаете. Бомбила вас привез, вы вылезли, и дальше что?

— И я пошла к подъезду. Вон, где ваши коллеги... смеются.

Максим Вавилов оглянулся. Мужики рассматривали что-то у подъезда пятиэтажки, выходящей фасадом прямо на Сиреневый бульвар.

— Он под лавочкой лежал, понимаете? Как будто сидел и упал, и я сразу вам позвонила, как только поняла, что он... неживой. Я сначала думала, что он сумасшедший или... или... Я испугалась очень.

И тут она заплакала.

— Успокойтесь, успокойтесь, — равнодушно пробормотал Максим Вавилов. — Разберемся.

Прямо перед подъездом, ногами под щелястой крашеной лавкой, щекой на заплеванном асфальте, лежал труп. Даже в свете единственного фонаря было совершенно понятно, что это труп, он и в синеву уже немного пошел, из чего старший оперуполномоченный сделал вывод, что труп даже и не сегодняшней. Примерно позавчерашний такой труп.

И был он совершенно голый.

Екатерина Михайловна, питерская журналистка, издавала жалобные всхлипы, а Максим Вавилов вдруг сильно встревожился.

— Мужики, — сказал он, моментально позабыв про Екатерину Михайловну. — Никак на нашей территории маньяк объявился!

— Тьфу на тебя, Макс!

— Да у него наручники на руках! Вы чего?! Ослепли, мать вашу?!

Стало тихо, как на похоронах, и лейтенант Бобров ногой приподнял деревянное, синее, твердое, бывшее когда-то человеческим тело.

— Наручники, мужики. Смотрите!

— И чего делать?

— Оперов с Петровки вызывать, чего делать!..

— А как его... того?..

— Да удушение! Синий весь, и язык вывален. И шея вон порвана. Вроде порвана, да, посмотри, Макс?